

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-4-1256-1272>

EDN: KASHSG

Научная статья / Research Article

Философский анализ психологических концепций морали: на материале психологии морали Эллиота Туриела

А.В. Прокофьев

Институт философии РАН, Москва, Россия

 avprok2006@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования концепции морали Эллиота Туриела в свете философского опыта осмысления моральных феноменов. Туриел предложил очистить теорию морального развития личности от смешения моральных и неморальных структур человеческой психики. «Моральный домен», по его мнению, развивается параллельно другим «доменам социальных суждений» и имеет собственную возрастную динамику. Для обоснования этой мысли Туриелу потребовалось сформулировать ответ на вопросы о том, что такое мораль и какова область явлений, подлежащих моральной оценке. Для Туриела главными признаками морального суждения являются следующие: 1) оно основано на универсально приложимых, неизменных и безличных прескрипциях (форма морали); 2) оно содержит оценку воздействия намеренных поступков агента на благополучие уязвимого в их отношении реципиента (содержание морали). Моральные суждения – это суждения, одобряющие действие благополучию другого человека и осуждающие причинение ему вреда и несправедливость. В свете философской типологии определений морали туриевское ее понимание является не только содержательным, но и нормативным. Введение в определение морали наряду с формальными свойствами содержательных обосновывается Туриелем тем, что моральный домен определяется универсальными характеристиками социального взаимодействия между людьми (прежде всего, опытом претерпевания вреда, который есть у каждого взрослеющего человека). Содержательное представление о морали, сконцентрированное на благополучии, вреде и справедливости, наталкивается на обвинение в культурно-исторической пристрастности. Критики считают его отражающим доминирующие ценности и нормы западной культуры. В отношении концепции Туриела это обвинение развернуто оформлено Джонатаном Хайдтом. Однако дискуссия Туриела с более ранними критиками показывает, что содержательные концепции морали могут успешно интегрировать в свою теоретическую схему факты, относящиеся к незападным культурам. Но главное, что только такие концепции способны полноценно выразить общечеловеческое измерение морали.

Ключевые слова: этика, моральное развитие, определение морали, моральный домен, культурная пристрастность

© Прокофьев А.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Статья поступила 01.02.2025

Статья принята к публикации 15.08.2025

Для цитирования: Прокофьев А.В. Философский анализ психологических концепций морали: на материале психологии морали Эллиота Туриела // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 4. С. 1256–1272. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-4-1256-1272>

Philosophical Analysis of Psychological Conceptions of Morality: On the Basis of Elliot Turiel's Moral Psychology

Andrey V. Prokofyev

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

 avprok2006@mail.ru

Abstract. The results of a study of Elliot Turiel's conception of morality in light of philosophical understanding of moral phenomena are presented. Turiel proposed to purify the theory of moral development from mixing moral and non-moral structures of human psyche. 'The moral domain,' in his view, develops in parallel with other 'domains of social judgment' and has its own dynamics. To prove this thesis, Turiel formulates his answer to the questions of what morality is and how the boundaries of what can be morally evaluated are drawn. For Turiel, the main features of moral judgment are the following: 1) it is based on universally applicable, unalterable, and impersonal prescriptions (the form of morality); 2) it contains an evaluation of the impact of an agent's intentional act on the welfare of a vulnerable recipient (the content of morality). Moral judgments are judgments that approve of promoting the welfare of another person and condemn harming and injustice. In light of the philosophical typology of definitions of morality, Turiel's definition is not only content-based (substantive) but also normative. Turiel justifies the introduction of substantive features into the definition of morality, along with formal ones, by the fact that the moral domain is based on the universal characteristics of social interaction (first of all, on the experience of being harmed, which every person has since an early age). The substantive definition of morality focused on welfare, harm, and justice is met with the charge of cultural and historical bias. Critics see it as reflecting the dominant values and norms of Western culture. In relation to Turiel's conception, this accusation is elaborated by Jonathan Haidt. However, Turiel's discussion with his earlier critics shows that substantive conceptions of morality can successfully integrate facts from non-Western cultures into their theoretical scheme. But the most important thing is that only they can fully express the universal dimension of morality

Keywords: ethics, moral development, definition of morality, moral domain, cultural bias

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history:

The article was submitted on 01.02.2025

The article was accepted on 15.08.2025

For citation: Prokofyev AV. Philosophical Analysis of Psychological Conceptions of Morality: On the Basis of Elliot Turiel's Moral Psychology. *RUDN Journal of Philosophy*. 2025;29(4):1256–1272. (In Russian) <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-4-1256-1272>

Введение

Концептуализация морали как особого ценностно-нормативного, коммуникативного и социального феномена является важной проблемой современной этической теории. В последние несколько десятилетий количество прямых обращений философов к ее решению несколько снизилось по сравнению со второй половиной XX в. Однако методология и итоговые выводы исследования многих других этических проблем, сугубо теоретических или нормативных, очень сильно зависят от того, какой вариант концептуализации был принят в качестве отправной посылки. Любая концепция морали опирается на ее более или менее строго определение и проведение границ области морально значимых явлений (демаркацию морального домена). Она в обязательном порядке предполагает ответы на вопросы «Что такое мораль?» и «Какие явления подлежат моральной оценке?», однако оказывается полной только в том случае, если эти ответы дополняются результатами анализа причин возникновения морали и обсуждения вопроса о возможности обосновать ее ценностно-нормативное содержание.

Исследование проблем определения морали и выделения области морально значимых явлений не является отвлеченно-теоретическим занятием, поскольку предопределяет отношение к целому ряду проблем социальной практики. Ведь если какие-то действия считаются подлежащими моральной оценке, то они рассматриваются в перспективе всеобщего категорического долженствования (могут быть обязательными или недопустимыми), их совершение или несовершение влечет за собой особый тип реактивных эмоций, они оказываются особым образом связаны с правовым регулированием поведения и т.д. Если же действия не подлежат моральной оценке, то есть являются морально нейтральными, то все эти следствия отсутствуют. Соответственно, можно сказать, что дискуссия, находящаяся в центре внимания в данной статье, имеет довольно высокие практические ставки.

Связь между решением проблемы определения морали и проблемы выделения области морально значимых явлений довольно сложная и нелегкая. Казалось бы, определение морали – это ключ к выявлению круга морально значимых явлений по принципу: раз мораль есть то-то и то-то, то моральной оценке подлежат такие-то действия. Именно на основе определения возможна критика избыточно широких или, наоборот, зауженных решений проблемы демаркации. Однако, с другой стороны, сама формула «мораль есть то-то и то-то» содержательно наполняется именно на основе анализа всего того, что служит предметом приложения моральной способности, то есть на основе анализа области морально значимых явлений. Исследователь, не имеющий какого-то априорного ответа на вопрос, что такое мораль, пытается понять, что объединяет все входящие в эту область элементы, и

оформляет результаты обобщения в виде дефиниции. Впрочем, можно с уверенностью утверждать, что структуру уже сложившейся концепции морали определяет последовательный переход от определения к его использованию в качестве средства демаркации морального домена. Это средство может применяться в духе классических или неклассических (поствигенштейновских) представлений о том, как выделяются классы объектов, охватываемых тем или иным понятием.

Работа над созданием определений морали и выделением области морально значимых явлений ведется не только в рамках этической теории. Систематическое общее представление о морали необходимо и другим дисциплинам, исследующим опыт оценки и вменения, среди которых психология, социология, культурология. Их представители создают собственные концепции морали, которые по разным причинам (и в связи с тем, что их создатели обладают особыми знаниями и исследовательскими навыками, и в связи с тем, что они имеют особый угол зрения на изучаемый предмет) интересны философам, специализирующимся по этике. Этический анализ психологических, социологических, культурологических концепций морали способен обогатить философскую мысль и одновременно высветить особенности и недостатки таких концепций для самих их создателей. Данная статья будет посвящена анализу концептуализации морали в современной психологии. В ее первой части будет реконструирована и проанализирована в свете философской типологии подходов к определению морали одна из психологических концепций, а именно – разработанная известным американским психологом Элиоттом Туриелом (хороший обзор всего пространства психологической концептуализации морали см: [1. Р. 211–278]). Во второй части на примере психологии морали Туриела будет проверена способность содержательных и нормативных концепций морали, к которым принадлежит концепция Туриела, сопротивляться возражениям, отталкивающимся от требования культурно-исторической беспристрастности.

Типология подходов к определению морали

Опыт философского дефинирования морали показывает, что философы определяют мораль на основе нескольких подходов. Все эти подходы объединяет между собой убеждение в том, что мораль – это совокупность представлений о должном и одобряемом поведении и его мотивах, а также совокупность механизмов, реализующих эти представления на практике. Когда мораль определяется как кодекс или как совокупность оценочных суждений особого рода, мы имеем дело с репрезентациями именно этого убеждения (кодекс и его нормы – это упорядоченное представление о должном, суждения – отражение тех ценностно-нормативных представлений, которые фиксируют должное и одобряемое). Дальнейшая конкретизация этого убеждения предполагает несколько развилок, проходя которые теоретики делятся на противостоящие друг другу лагеря.

Первая развилка возникает в связи с тем, что определение морали может быть дескриптивным или нормативным, то есть просто обобщать опыт моральной оценки индивидов, групп и культурных традиций или же исходить из того, что существует такой набор требований и критериев одобрения, который является всесторонне обоснованным и в силу этого должен быть принят любым разумным агентом. Этот набор в каком-то обобщенном, лаконичном виде входит в нормативные определения морали. Вместе с тем определение морали может включать в себя указание на конкретные требования и критерии одобрения, даже не будучи нормативным. В этом случае причиной того, что в определение морали включается ее ценностно-нормативное содержание, будет не рациональная обоснованность последнего, а всего лишь его общераспространенность. Таким образом возникает содержательное, но при этом дескриптивное определение морали. Если нормативные определения морали являются содержательными в любом случае, то среди дескриптивных имеют место и те, в которых не упоминаются какие-то конкретные требования и критерии одобрения. Соответственно, такие определения не подразумевают конкретных должных действий и одобряемых мотивов. Они сосредоточены на *форме* или же на *функциях* моральных требований и критериев одобрения.

Форма морали, в отличие от ее содержания, – это то, как выносятся моральные оценки, в отличие от того, что является вердиктом оценивающих субъектов. Среди ключевых формальных характеристик морали теоретиками упоминаются три претензии оценивающего субъекта в отношении оснований своей оценки: 1) претензия на то, что они объективны; 2) претензия на то, что они универсальны; 3) претензия на то, что они приоритетны. При этом объективность означает независимость использования оснований оценки от случайных персональных свойств субъекта, универсальность – необходимость использования именно этих оснований всеми субъектами, столкнувшимися с определенной типичной ситуацией, приоритетность – необходимость использовать именно эти основания при их столкновении с какими-то другими (то есть в случае нормативного конфликта). На месте строгой приоритетности может присутствовать просто высокая важность оснований оценки и, как следствие, совершения соответствующих им поступков. Среди формальных свойств морали, встречающихся в ее определениях, присутствуют также специфика моральных санкций и неинституционализированный (неформальный) характер регулирования поведения.

Функциональные определения морали предполагают указание на какую-то иную реальность, стоящую за моральными явлениями. Последние выступают в качестве средств, обеспечивающих наиболее эффективное функционирование этой реальности. Чаще всего моральные требования и критерии одобрения осмысливаются как часть комплексного механизма, который обеспечивает существование и усиление человеческих сообществ. В ряде случаев функциональные определения могут приближаться к содержательным.

Скажем, если моральное поведение и моральные мотивы отождествляются с «просоциальными» в узком смысле этого слова, то есть поддерживающими конкретное локальное сообщество, то из такой функции вполне логично вытекает набор моральных императивов и вмененных свойств личности, которыми должен обладать совершенный в моральном отношении человек. Если под «просоциальными» имеются в виду свойства, поддерживающие разные аспекты совместного существования людей (социальность как таковую), то этот набор оказывается существенно дополненным, но он также вполне очевиден.

Хотя я представил разные подходы к определению морали в качестве альтернатив, стоящих перед теоретиками, они не являются взаимно исключающими друг друга. Вполне возможны определения морали, которые соединяют в себе характеристики разного типа. Так формальное или функциональное описание морали подчас дополняется описанием содержательным в силу того, что на основе формальных или функциональных характеристик приходится признавать морально значимыми те действия, которые в свете интуиции таковыми не являются. Если при этом содержательное дополнение к определению рассматривается теоретиком как набор рационально обоснованных ценностей и норм, то все его определение превращается уже в нормативное (лучшее обобщение западных работ по проблеме определения морали – энциклопедическая статья Бернарда и Джошуа Гертов, для знакомства с подходами к разработке проблемы в российской этической мысли см. сборник «Мораль. Многообразие понятий и смыслов» (2014): [2; 3]).

Контуры концепции Элиотта Туриела

К вопросу об определении морали и выделении области морально значимых явлений Туриела привело стремление уточнить предмет теории морального развития. Он предположил, что сложившиеся в XX в. концепции морального развития (прежде всего, концепции Жана Пиаже и Лоуренса Колберга) смешивают между собой структуры человеческой психики, которые формируются и видоизменяются параллельно, но не составляют при этом единого динамического процесса, разбитого на последовательные стадии. Эти независимые, но смешиваемые даже самими выдающимися исследователями структуры Туриел называет «системами психического развития», «доменами социальных суждений» и «категориями, на основе которых структурируется социальный мир». Таких систем, с точки зрения Туриела, три: психологическая, социetalьная (социальная, социально-организационная) и моральная [4. Р. 76; 5. Р. 20–21]. Основной целью своих исследований Туриел считал проведение границ между моральной и социальной областями (а вернее, той частью последней, которую составляют конвенциональные регуляторы поведения). Под словосочетанием «проведение границы» здесь понимается решение двойной задачи. С одной стороны, концептуально разграничить между собой два типа регуляторов (показать, что они «аналитически

независимы»). С другой стороны, и это для психологии ключевой момент, экспериментально подтвердить, что такое концептуальное разграничение характеризует оценки подавляющего большинства людей и формируется у них в самом раннем возрасте. Наличие моральной области, имеющей особые характеристики, фиксируемые в виде теоретического описания, должно подтверждаться эмпирическим путем. Третья, психологическая, или личная, область затрагивается Туриелом косвенно, в связи с тем, что она находится под защитой моральных ограничений и под угрозой поглощения конвенциональными регуляторами поведения.

Конвенциональные регуляторы поведения, по Туриелу, это нормы, следование которым позволяет какому-то локальному сообществу решать проблему социальной координации, то есть упорядочивать действия своих членов для достижения общей цели, а также устранять создаваемые людьми друг для друга препятствия на пути достижения их индивидуальных целей [4. Р. 77; 5. Р. 37–38]. Такие нормы являются случайными, относительными, произвольными, но лишь в том смысле, что социальная координация может быть вполне успешно обеспечена альтернативными наборами норм [4. Р. 77; 5. Р. 37–38]. При этом локальное сообщество потенциально могло бы использовать любой из подобных наборов. Чтобы следовать конвенциональной норме, индивид должен быть специально оповещен, что именно эта конкретная норма является предметом консенсуса в данном сообществе и что ее нарушение сопровождается теми или иными санкциями. Нарушение конвенциональной нормы мыслится агентами и наблюдателями в качестве отклонения от единообразного поведения членов сообщества (людей, включенных в функционирование определенной «социальной организации») [4. Р. 77; 5. Р. 35]. Изменение конвенциональных норм с течением времени осмысливается исключительно как результат изменения общественного консенсуса. Предыдущую нормативную систему никто не воспринимает как нарушение каких-то абсолютных и универсальных стандартов [4. Р. 77; 5. Р. 35].

Моральные регуляторы, по Туриелу, – это нормы, которые не связаны с конкретным локальным сообществом, его внутренней организацией и координационными механизмами: «моральные предписания... определяются факторами, которые коренятся в *социальных отношениях как таковых*, а не в *особой форме общественной организации*» (курсив мой. – А.П.) [4. Р. 78; 5. Р. 35]. Когда индивиды определяются с моральностью или аморальностью какого-то действия, они рассматривают его как событие с такими «*внутренними характеристиками*», которые позволяют вынести оценку, или с такими «*внутренними последствиями*», которые позволяют сделать это (курсив мой. – А.П.) [4. Р. 78; 5. Р. 53–54]. У Туриела характеристики и последствия такого рода связаны с изменениями в положении реципиентов действия [4. Р. 78; 5. Р. 35]. Для вынесения моральной оценки не требуется знание о том, что в данном сообществе принято вести себя таким-то образом. Она выносится с опорой на понимание внутреннего достоинства или неотъемлемого качества различных форм поведения [4. Р. 78, 79]. Соответственно,

в двух обсуждаемых областях нормы играют разные роли: в конвенциональной норма является образцом, при соотнесении с которым поступок квалифицируется как нарушение, в моральной – это лишь вспомогательный инструмент, облегчающий понимание предосудительной или похвальной природы конкретного действия. Изменения нормативного содержания морали, в отличие от изменений нормативного содержания конвенций, рассматриваются по модели устранения ошибок или постепенного раскрытия моральной истины. У Туриела ключевым является пример с рабством [4. Р. 77; 5. Р. 35–36]. Отмена рабства сопровождается его осуждением, и такое осуждение есть важный шаг на пути к корректному представлению о том, какие формы взаимодействия между людьми недопустимы.

Для того, чтобы продемонстрировать, что дети довольно ранних возрастов понимают разницу между моральной и конвенциональной областями, Туриел использовал нарративы, в которых моральные нарушения и нарушения конвенциональных норм представлены предельно очевидно. «Прототипическими» для каждой области он называет такие случаи. Случай А: ребенок для того, чтобы освободить себе место на качелях, бьет другого ребенка, который их уже занял, жертве больно, жертва плачет (прототип морального нарушения). Случай Б: ребенок называет учителя по имени, вместоуважительного miss плюс фамилия (прототип нарушения конвенциональной нормы) [4. Р. 77; 5. Р. 41]. Интервьюируемые дети (дошкольники и школьники) указывают, что в первом случае нет необходимости в специальных школьных правилах для того, чтобы считать действия обидчика нарушением. Туриел пишет, что дети могут генерировать моральные предписания, *отталкиваясь от своего опыта*: «Ключевым для восприятия такого события являются боль, испытываемая жертвой, и основания, на которых действует обидчик» (здесь – это желание занять качели) [4. Р. 79]. Во втором случае дети отсылают интервьюера к правилам, действующим в конкретной школе, и не видят ничего предосудительного в обращении к учителю по имени, если такое обращение будет зафиксировано в правилах. Отсюда не следует что, с точки зрения ребенка, правилам, которые относятся к сфере конвенционального, не надо подчиняться. Подчиняться им необходимо, но лишь в том случае, если они действительно относятся к этой сфере, то есть не предписывают совершение аморальных действий. С другой стороны, аморальное действие не может превратиться в допустимое в связи с особенностями конвенционального регулирования поведения в каком-то сообществе. Поступок ребенка в случае А или, к примеру, воровство, по мнению детей, невозможно исключить из числа находящихся под запретом действий, создав в школе такую систему правил, которая их не запрещает [4. Р. 81; 5. Р. 62; 6. Р. 108–109, 138–139].

Для полного понимания туриеловского подхода к выявлению границ морального домена необходимо также иметь в виду, что наряду с моральными и конвенциональными регуляторами поведения есть также область поступков, которая в принципе не подлежит регулированию, будь то на моральной или на конвенциональной основе. Как упоминалось выше, Туриел называл ее

«психологической», или «личной». Параллельно развитию суждений в моральной и конвенциональной сферах, дети развиваются свои суждения об автономии и личной юрисдикции [4. Р. 84; 5. Р. 58–59; 6. Р. 115–118]. Виды деятельности, которые не предполагают нанесения вреда другим людям, нечестного отношения к ним или нарушения их прав и, в то же время, не регулируются конвенциональным образом, считаются частью личного домена. Здесь находятся выбор друзей, творческое самовыражение, рекреационная активность и т.д. Границы этой области с областью конвенциональных регуляторов менее определены, чем ее границы с областью морали. Они в большей мере зависят от специфики локальных культур и субкультур, но само присутствие личного домена является обязательным: индивиды постоянно пытаются выделить и обустроить пространство своей свободы, в котором выбор – это исключительно их собственное, а не чье-то еще дело. При этом они могут соглашаться с предложенными их культурой границами или ставить их под вопрос [6. Р. 104–107].

Как выглядит концепция Туриела, если рассмотреть ее через призму типологии подходов к определению морали, предложенных в философии? В туриеловской концепции очевидным образом используются формальные характеристики морали. Это, прежде всего, объективность норм и основанных на них суждений. Туриел использует близкий по значению термин «внутренняя валидность» [4. Р. 81]. Он также включает в число свойств «моральных прескрипций» ничем не обусловленную «обязательность». Ее тоже можно считать аналогом объективности [5. Р. 36]. Кроме объективности, Туриел обсуждает набор свойств, соответствующих универсальности. Моральные нормы, по его мнению, «универсально приложимы» и «безличны» (в других случаях используется такой набор понятий: «безличны» и «неизменны», «безличны» и «генерализуемы») [5. Р. 36, 53, 130, 224]. Тонкие различия между этими терминами, которые увидел бы моральный философ, для Туриела не существенны, однако, вводя эти перечисления, он напрямую ссылается на философскую традицию теоретической концептуализации морали [5. Р. 35–36]. Относительно приоритетности и чрезвычайной важности моральных норм разговор еще впереди.

Однако туриеловское понимание морали очевидным образом не является формальным, поскольку Туриел не останавливается на перечисленных выше характеристиках и связывает мораль с определенным содержательным наполнением требований и критериев одобрения. Выше было сказано, что область морально значимых поступков задана у Туриела тем, что они меняют положение реципиента, создают для него позитивные или негативные последствия. Опыт претерпевания этих последствий чрезвычайно важен для морали, которая опирается на реверсивную логику Золотого правила, тесно связанную с самой природой человека как общественного существа. Под негативными последствиями Туриел подразумевает «опыт претерпевания страданий», «нежелательный опыт», «вред». Наличие вреда или его отсутствие играют

решающую роль при формировании вердикта о том, что действие является неправильным в моральном отношении: «В случае с действием А, его отрицание (в ментальной деятельности ребенка) является результатом сравнения его совершения или несовершения. Если мысленно конструируемые последствия его несовершения (жертва не претерпела вреда) рассматриваются как более желательные, чем последствия его совершения (жертва претерпела вред), то выводом будет то, как люди должны вести себя в таких обстоятельствах (то есть никто не должен бить другого)» [5. Р. 43].

Вред реципиенту и содействие благополучию реципиента являются, по Туриелу, базовыми категориями, в которых оформляется моральная оценка. Над ними надстраивается более сложные понятия, такие как справедливость и права [6. Р. 111]. В число действий, которые наносят вред или нарушают права, включены не только наиболее очевидные и прямолинейные, такие как причинение смерти, физического и психического страдания, лишение собственности и ложь, но и те, которые устраниют пространство свободной самореализации. Чаще всего это происходит тогда, когда общественные конвенции устанавливают нормативный режим там, где не решается какая-то важная координационная проблема общества или где важная координационная проблема может быть решена радикально менее репрессивными методами. Также Туриел хотя и не всегда акцентирует, но постоянно подразумевает тот факт, что «внутреннюю валидность» действию придает не только характер последствий для реципиента, но и характер мотивации агента: то, насколько избегание неблагоприятных последствий действия для других людей и обеспечение благоприятных входили в цели действующего лица (в оценке детьми случая А важно не только то, что происходит с жертвой, но то, каковы основания поступка обидчика).

Существенно, что Туриел считает способность какой-то конкретной локальной культуры превращать те или иные требования в моральные предписания радикально ограниченной. За пределами морального домена для него заведомо остаются такие требования как обращенное к женщинам требование скрывать свое лицо или обращенное к людям одного социального статуса требование избивать тех, кто имеет другой социальный статус [5. Р. 53]. Не менее существенно и то, что Туриел придает первостепенное значение убежденности большинства религиозных людей в том, что серьезные моральные нарушения находились бы под запретом, даже если бы их запрет отсутствовал в священном писании [6. Р. 114]. Это тесно связано с главной причиной, по которой формальные характеристики в определении морали должны быть дополнены содержательными. А именно с тем, что нормы, предписывающие содействие благополучию других людей и запрещающие причинение им вреда, имеют с объективностью, универсальной приложимостью и безличностью не случайно-историческую, а «концептуальную» связь» [5. Р. 53].

Концептуальная связь между универсальностью оценочных суждений и уважением к личности другого человека выступает в этике в качестве

отправной посылки для признания рациональной обоснованности гуманистических ценностно-нормативных систем. Уверенность в существовании такой связи формирует философские нормативные определения морали. Содержание последней связывается в них с идеей равного достоинства всех людей (образцами в этом отношении являются определение морали и его обоснование в философии Алана Гевирта [7]). Туриел солидаризируется с создателями философских нормативных определений (см.: [5. Р. 35–36; 6. Р. 186–188]). Его собственная концепция морали является не просто содержательной, но и нормативной. Именно поэтому он высоко оценивает тех классиков социологической мысли, которые, подчеркивая значение групп и их конвенций, искали путь для морального совершенствования всего человечества, объединенного общей судьбой [8. Р. 234–235]. Именно поэтому он использует выводы своей теории морального развития в полемике с партикуляризмом американских консерваторов и коммунитариистов (таков основной лейтмотив книги «Культура морали: социальное развитие, контекст и конфликт» (2002) [6].

Проблема культурно-исторической пристрастности

Туриеловское представление о морали подвергается критике как культурно-исторически пристрастное и в этой связи создающее тенденцию к неоправданному сужению границ области морально значимых явлений. Критики упрекают Туриела в прямолинейном европоцентризме, в наивной ориентации на тот образ морали, который создала западная культура, причем в последние несколько столетий. Наиболее известным оппонентом Туриела на настоящий момент является американский социальный психолог Джонатан Хайдт, который предположил, что Туриел опирался не просто на западный подход к пониманию морали, а на тот, который сложился у образованных, наиболее материально обеспеченных, демократически ориентированных слоев современного западного общества. Отождествление морали с нормами, которые требуют от каждого разумного агента содействовать благополучию любого представителя человеческого рода, вытеснение прочих нормативных стандартов в область конвенционального, то есть изменчивого, относительного, а значит открытого для критики и пересмотра, по мнению Хайдта, ведут к появлению искаженной картины многих ценностно-нормативных систем. Речь идет не только о ценностях и нормах незападных культур, но и об убеждениях менее образованных слоев населения Европы и Америки, а также о ценностных основаниях современного политического консерватизма. Туриеловское определение морали, считает Хайдт, затрудняет работу психолога с этими явлениями, поскольку вводит в методологические основания моральной психологии догматический, нормативный элемент.

Хайдт предложил более гибкую, сугубо дескриптивную концепцию морали, не создающую, по его мнению, аберраций культурно-исторического

порядка. Она предполагает, что моральными являются любые категорические оценки правильности и неправильности поведения и что они в конечном итоге обслуживают потребность конкретных сообществ во внутренней упорядоченности, устойчивости и конкурентоспособности. Такая концепция опирается на формальное и функциональное определения морали. Выстраивая ее, Хайдт добавляет к тем ценностным измерениям морали, которые находились в центре внимания Туриела (забота о благополучии, честность распределения, защита свободы индивидуального выбора), те, которые Туриел помещал в область конвенционального (подчинение авторитетной власти, верность локальному сообществу, сохранение нравственной чистоты (то есть избегание различных действий, которые безвредны, но несовместимы с человеческим статусом)) (см.: [9; 10]). Важным обстоятельством для оценки теоретической схемы Хайдта является то, что она похожа по своей структуре на нормативную концепцию морали, используемую сторонниками ценностного плюрализма в духе Исаи Берлина, Майкла Уолцера, Бику Пареха и т.д. ([11–13], обобщение основных положений и истории концепции см.: [14]). Хайдт признает такое соответствие, а также возможность органичного совмещения ценностного плюрализма с предложенной им дескриптивной концепцией морали (утилитаризм и кантианская этика при этом рассматриваются как несовместимые с ней). Однако признание возможности не сопровождается ее реализацией [10. Р. 368–369].

Хайдт полагает, что туриловской концепции морали нечего противопоставить его проекту расширения области морально значимых явлений. Он представляет дискурсивную ситуацию таким образом, что культурно-историческая слепота, свойственная Туриелу, неизбежно сменяется культурно-историческим прозрением, сформировавшим шестиосновное понимание морали самого Хайдта и его единомышленников. Однако это не совсем так, что показывает давний спор Туриела с прямыми идеальными предшественниками Хайдта. Речь идет о Ричарде Шведере и его соавторах по работе «Культура и моральное развитие» [15], которую Туриел и его коллеги подробно разбирают в многостраничном тексте 1987 г. (именно этот текст будет далее использоваться в качестве основного источника, а Туриел будет упоминаться в качестве его основного автора) [8]. По собственному признанию Хайдта, Шведер оказал большое влияние на его понимание морали и методологию выявления границ морального домена [10. Р. 16–26]. Анализируя материалы дискуссии Туриела и Шведера с соавторами, нельзя не заметить, что концепция Туриела: а) совсем не беззащитна в теоретическом отношении; б) способна интегрировать в свою теоретическую схему факты, относящиеся к незападным культурам.

Отвечая критикам, Туриел указывает на неточное понимание ими его позиции и на недостатки их собственного представления о морали. Ключевой момент непонимания состоит в том, что Шведер с соавторами считали, что для Туриела моральный статус какого-то действия определялся

исключительно его внутренней природой, вне ситуативного контекста и каких бы то ни было интерпретаций происходящего. Туриел писал, что с точки зрения критиков, для него принадлежность события к какой-то из трех областей «задана событием как таковым» [8. Р. 184]. При таком понимании его концепция действительно выглядит довольно беззащитно, поскольку игнорирует фундаментальные принципы, на основе которых работает моральная оценка. А она предполагает контекстуализированную интерпретацию оцениваемых событий, а в конечном счете совершаемых людьми действий.

Только сторонники самых прямолинейных деонтологических концепций в нормативной этике игнорируют это обстоятельство. Для них некое вредоносное действие, например, намеренное лишение жизни другого человека недопустимо всегда. Однако элементарный здравый смысл заставляет нас признать, что ситуативный контекст может менять моральный статус действия. Лишение жизни другого человека может являться безальтернативным средством спасения от гибели многих людей и при этом отвечать каким-то иным дополнительным условиям, например, быть лишением жизни агрессора, который стремится завершить свое нападение. В этой связи действие того, кто останавливает агрессора с помощью крайних мер, получает иную интерпретацию и оказывается если не обязательным, то допустимым. Исходя из этого, можно сказать, что лишение жизни другого человека заведомо недопустимо лишь в простых и парадигмальных случаях. В некоторых сложных и нетипичных случаях оно меняет свой моральный статус.

На той же основе действия, которые в своей простой и парадигмальной форме являются морально нейтральными, переходят в область морально значимых. Например, официант подает клиенту ресторана блюдо, в состав которого входит рыба. Само по себе такое действие морально нейтрально. Однако в сложном ситуативном контексте это действие вполне может изменить свой статус. Представим себе, что официант подает то же самое блюдо клиенту, который по имеющейся у официанта информации является аллергиком. Эта дополнительная информация о происходящем создает такую интерпретацию действия, которая заставляет сначала рассматривать его в качестве входящего в область морально значимых явлений, а затем квалифицировать в качестве недопустимого. Туриел не упускает из вида, а учитывает роль контекстуализированных интерпретаций в морали. Он понимает, что такие интерпретации особенно важны для оценки случаев, которые не являются парадигмальными (в терминах Туриела – «прототипическими»). И именно это позволяет ему ответить на обвинения в культурно-исторической пристрастности.

Туриел не отрицает того факта, что в незападных культурах сфера морально значимых явлений шире, чем в западной, и что в этих культурах какие-то морально предосудительные действия сильнее отличаются от прототипических моральных нарушений, чем в нашей. Однако он указывает на то, что, обсуждая этот факт, Шведер с соавторами практически не принимают во внимание то, что в незападных культурах придание морального статуса

действиям, которые не похожи на прототипические моральные нарушения, происходит не само по себе, не напрямую и не на основе одной лишь культурной индоктринации. Относительное расширение области морально значимых явлений имеет место в незападных культурах потому, что процесс идентификации вреда и нечестности опосредован здесь особыми представлениями об устройстве мироздания. В центре обоснования моральной допустимости или недопустимости действий всегда и везде находится представление о вреде, предзданное интерактивной природой морального развития. Однако в незападных культурах некоторые действия интерпретируются иначе, чем в западной, поскольку в свете их представлений о том, как устроен мир, такие действия являются не нейтральными, а вредоносными или нечестными. Картина мира незападных культур не столько включает в себя особый *моральный естественный порядок*, внутри которого любые действия могут быть морализованы (такова методологическая позиция критиков Туриела, придерживавшихся «теории социальной коммуникации» и рассматривавших моральное развитие исключительно как процесс межпоколенческой передачи культурных стандартов), сколько существенно расширяет представления о вредоносном и нечестном поведении в рамках *каузального естественного порядка* («естественного порядка как набора предположений или теорий о мире») [8. Р. 185–186, 203–204].

Такое расширение идет по разным направлениям. Расширяется круг реципиентов вредоносного и нечестного поведения: в него могут входить не только ныне живущие люди, но также духи, души умерших, прочие трансцендентные («ненаблюдаемые») сущности и существа [8. Р. 186, 207–211]. Расширяется представление о самом по себе вреде: кроме физического, психического и социально-статусного, возникает возможность метафизического вреда (например, вредом может считаться дурное влияние на перспективу спасения чьей-то души посредством нарушения обрядовых запретов, то есть совершения таких действий, которые ведут к ритуальной нечистоте не только агента, но и связанных с ним людей) [8. Р. 207–211]. Расширяется круг способов причинения вреда (например, оказываются возможными дополнительные пути негативного влияния на здоровье, кроме механического, химического или биологического воздействия) [8. Р. 197, 207–211]. Эффект более широкой каузальной картины мира похож на тот, который для человека западной культуры имела бы удостоверенная информация о том, что некоторые животные подобны человеку в самых фундаментальных отношениях, или о том, что ношение желтых подвязок жителями американского мегаполиса каким-то образом ведет к гибели множества людей на другом конце света (последний пример использует сам Туриел [8. Р. 188–189]).

Еще один недостаток концепции морали Шведера и его соавторов, по мнению Туриела, состоит в том, что они считают приоритетность или большую важность моральных норм по сравнению с конвенциональными аксиоматическим положением и самостоятельным признаком, позволяющим

разграничивать моральное и конвенциональное. Однако Туриел полагает, что большая важность моральных норм представляет собой всего лишь общую тенденцию. Отталкиваясь от нее одной, невозможно ответить на вопрос, является ли норма моральной или конвенциональной. В *некоторых* культурах исполнение *некоторых* конвенциональных норм может наделяться не меньшей степенью важности или серьезности, чем исполнение моральных [8. Р. 171]. Препятствует использованию критерия важности нормы и серьезности ее нарушения для проведения границы между моральным и конвенциональным и то, что моральные нормы неоднородны по своей важности: нарушение одних рассматривается как более тяжкое, чем нарушение других. И это не удивительно, поскольку вред представляет собой высоко дифференцированное явление. Соответственно, наименее значимые моральные нормы уступают по своей важности значительному количеству конвенциональных норм [8. Р. 174–175]. Это положение характерно и для западного культурного контекста. А в незападном всего лишь имеет более выпуклый характер. Но если его проигнорировать и считать важность нормы самостоятельным критерием ее моральности, то легко прийти к выводу Шведера и его соавторов, что в незападных обществах вообще нет области конвенционального. Туриел считает этот вывод в корне неверным [8. Р. 202–203].

Наконец, Шведер с соавторами не допускают того, что в определенных, не являющихся прототипическими случаях моральное и конвенциональное находятся в состоянии взаимного проникновения. Конвенциональные нормы могут получать поддержку со стороны нашей способности к моральной оценке и в этой связи приобретать вторичное моральное значение. Это происходит тогда, когда нарушение конвенциональной нормы рассматривается в перспективе своих последствий, связанных с вредом и нечестностью. Общая логика рассмотрения такова: в данной системе отношений между людьми, регулируемой, хотя и конвенциональными, но длительное время обеспечивающими решение проблемы сохранения совместной жизни нормами, определенные действия наносят вред большому количеству людей, разрушают их ожидания, противопоставляют их друг другу. Пример Туриела – правила заключения и расторжения брака в традиционных обществах, где брачный союз двоих людей одновременно является союзом семей, символическим отображением статуса многих индивидов и т.д. [8. Р. 214–215] Отсюда не вытекает, что брак, организованный родственниками, является неприкосновенным институтом, что он морально оправдан. Однако вывод о том, что при трансформации этой практики в ходе модернизации юридических систем требуется осторожность, опирается на аутентично моральную аргументацию. Широта круга сторон, заинтересованных в соблюдении конвенциональной нормы, и масштаб побочных эффектов от ее нарушения могут быть одной из причин того, что в ходе психологических экспериментов респонденты определяют некоторые нормы как неизменные, но лишь для их собственного сообщества («неизменные, но при этом релятивные»). Шведер и его соавторы

готовы считать такой ответ основой для того, чтобы придавать подобным нормам моральный статус. Туриел же считает, что этого недостаточно. Указание на локальность в данном случае не менее важно, чем указание на неизменность. Оно свидетельствует о смешении доменов и наличии вторичных моральных эффектов [8. Р. 214–215].

Заключение

Реконструкция полемики Туриела со Шведером создает хорошую рамку для выявления степени серьезности критики Туриела со стороны Хайдта. В этом давнем споре Туриел предложил некоторые подходы к тому, как можно было бы совместить культурное своеобразие ценностно-нормативных систем и такое представление о морали, которое позволяет поддерживать ее общечеловеческое измерение. Предложенная Туриелом концепция морали, будучи содержательной и нормативной, оставляет больше возможностей для рефлексивного отношения к ценностно-нормативной составляющей различных культурных традиций. Это важно как для внешних, так и, в особенности, для внутренних их критиков. Туриеловское определение морали и отталкивающаяся от него методика демаркации морального домена сохраняют пространство для выявления неоправданной морализации различных вопросов совместной жизни людей, а также для межкультурного диалога по этому поводу. При этом они не являются ригидными и догматическими, порождающими невнимательность и пренебрежение к культурному Другому.

Нельзя сказать, что в рамках шестиосновной концепции Хайдта пространство критической рефлексии исчезает совсем. Сама по себе она дескриптивна, опирается на формальные и функциональные свойства морали, и если и дает описание ценностно-нормативного содержания этого феномена, то в каком-то предельно расширенном виде. Однако ее сходство с ценностным плюрализмом и, в особенности, возможность совмещения с ним меняют ситуацию. Известно, что ценностный плюрализм позволяет производить оценку и ранжирование конкретных ценностно-нормативных систем по следующему принципу. Если в какой-то из подобных систем одна из базовых ценностей оказывается полностью подавлена другими, то это является поводом задуматься и попытаться вернуть равновесие. Хайдт использует похожее рассуждение в отношении западной культуры в ее либеральном изводе. Он мог бы использовать его в отношении любой другой культуры, потерявшей равновесие шести основ. Однако я полагаю, что для сохранения общечеловеческого измерения морали этого недостаточно.

Список литературы / References

- [1] Gray K, Graham J, editors. *Atlas of moral psychology*. New York, London: The Guilford Press; 2019.
- [2] Gert B, Gert J. The definition of morality. In: *The Stanford encyclopedia of philosophy*. Zalta EN, editor. Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/morality-definition/> (accessed: 10.11.2024).

- [3] Мораль. Разнообразие понятий и смыслов : сборник научных трудов. К 75-летию А.А. Гусейнова / отв. ред.-сост. О.П. Зубец. М. : Альфа, 2014.
Zubetz OP, editor. *Morality: Diversity of concepts and meanings. A festschrift for the 75-th birthday of Abdusalam Guseynov.* Moscow: Al'fa-M publ.; 2014. (In Russian).
- [4] Turiel E. Domains and categories in social-cognitive development. In: Overton WF, editor. *The relationship between social and cognitive development.* Hillsdale, London: Lawrence Erlbaum Associates; 1983. P. 53–90.
- [5] Turiel E. *The development of social knowledge: morality and convention.* Cambridge: Cambridge University Press; 1983.
- [6] Turiel E. *The culture of morality: social development, context, and conflict.* Cambridge: Cambridge University Press; 2002.
- [7] Gewirth A. *Reason and morality.* Chicago: University of Chicago Press; 1978.
- [8] Turiel E, Killen M, Helwig CC. Morality: its structure, functions, and vagaries. In: Kagan J, Lamb S, editors. *The emergence of morality in young children.* Chicago: University of Chicago; 1987. P. 155–243.
- [9] Haidt J. Morality. *Perspectives on psychological science.* 2008;3(1):65–72. DOI: 10.1111/j.1745-6916.2008.00063.x
- [10] Haidt J. *The righteous mind: why good people are divided by politics and religion.* New York: Vintage Books, a Division of Random House; 2013.
- [11] Берлин И. Философия свободы. Европа. М. : Новое литературное обозрение, 2001. Berlin I. *The Philosophy of Freedom. Europe.* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ.; 2001. (In Russian).
- [12] Walzer M. *Spheres of justice: a defence of pluralism and equality.* Oxford: Blackwell; 1983.
- [13] Parekh B. *Rethinking multiculturalism: cultural diversity and Political Theory.* London: Macmillan; 2000.
- [14] Crowder G. *The problem of value pluralism: Isaiah Berlin and beyond.* New York: Routledge; 2020.
- [15] Shweder RA, Mahapatra M, Miller JG. Culture and moral development. In: Kagan J, Lamb S, editors. *The emergence of morality in young children.* Chicago: University of Chicago; 1987. P. 1–83.

Сведения об авторе:

Прокофьев Андрей Вячеславович – доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник сектора этики, Институт философии РАН, Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. ORCID: 0000-0001-5015-8226. SPIN-код: 8854-9964. E-mail: avprok2006@mail.ru

About the author:

Prokofyev Andrey V. – DSc in Philosophy, Associate Professor, Chief Researcher at the Department of Ethics, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-5015-8226. SPIN-код: 8854-9964. E-mail: avprok2006@mail.ru